

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

П. П. Лисицын, А. В. Резаев, А. М. Степанов

Поиски равновесного состояния в миграционной теории¹

ЛИСИЦЫН Павел Петрович — кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: 190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3.

Email: fox_sociology@mail.ru

В настоящей статье авторы предлагают рассмотреть, как принципы неоклассического подхода, превращённые в метатеоретические основания, меняли исследования миграции. Также предпринята попытка дать оценку степени влияния этих изменений на теорию и практику миграционных исследований. Анализ трудов учёных, часто характеризуемых как представителей «экономического» и «неоклассического» направлений, призван проверить распространённый в критических работах по миграции тезис, согласно которому теориям миграции присущи фрагментарность и противоречивость. В частности, в статье рассматривается, действительно ли переход от классического подхода в исследованиях миграции заложил основу для непреодолимых противоречий между миграционными теориями далёкого прошлого (конец XIX и начало XX веков), недавнего времени (середина и конец XX века), а также настоящего (XXI век).

Представленный анализ включает работы А. Льюиса, Д. Харриса и М. Тодаро, В. Зелинского, М. Пиоре, О. Старка и Д. Блума. Ключевыми вопросами обзора станут следующие: существует ли связь между работами настоящих авторов и их предшественников; какой вклад внесли анализируемые исследования в современное восприятие миграции; что послужило двигателем миграционных исследований этого периода, характеризуемого большинством критиков в качестве прорывного (и действительно ли он является таковым). Авторов обзора интересует, отличает ли что-то так называемый экономический этап исследований миграции, работы представителей которого представлены в анализе, от других исторических этапов исследования миграции. Кроме того, настоящий анализ предлагает оценку актуальности результатов исследований миграции конца XX века для сегодняшнего дня.

Ключевые слова: теория миграции; миграционные исследования; неоклассическая экономика; новая экономика миграции; демографические исследования; данные; методы исследования; метатеория.

Введение: постановка проблемы

Миграция сопровождает человечество на всём протяжении его существования, однако история её изучения не так стара, как могла бы быть. Появившись как инструмент расширения ареала обитания первых людей, миграция стала спутником любой трансформации в общественных отношениях,

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00467 (<https://rscf.ru/project/24-28-00467/>).

РЕЗАЕВ Андрей Владимирович — профессор, доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, руководитель Международной исследовательской лаборатории ТАНДЕМ. Адрес: 190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3.

Email: rezaev@hotmail.com

СТЕПАНОВ Александр Михайлович — кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: 190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3.

Email: 9160001@inbox.ru

начиная с возникновения примитивных типов хозяйственной деятельности и заканчивая сложными системами современных транснациональных корпораций. Её история — это история войн и торговли, развития науки и образования, искусства и культуры, распространения губительных эпидемий и спасительных религий. Сопутствуя общественным процессам, миграция воспринималась одновременно и как следствие модернизации [Zelinsky 1971: 222], и как её причина [Lewis 1956]. Известны даже попытки представить всю человеческую историю как этапы физической мобильности, где первый — это «вселенная до современных традиционных сообществ» («The universe of premodern, traditional communities») [Zelinsky 1971: 234], а последний — период равновесного состояния, «соответствующий оптимальной экономической отдаче» («An optimum economic return») [Zelinsky 1971: 245].

Первая попытка научного осмысления миграции появляется только в 1885 г. [Ravenstein 1885], что существенно позже времени возникновения в конце XVIII и начале XIX веков первых исследований капитала и богатства [Смит 2007], конкуренции и прибыли [Ricardo 1815] и прочих общественных процессов, связанных с модернизацией. Ранние исследования (во многом инициированные уникальными изменениями, произошедшими вследствие Промышленной революции XVIII века) оставляли без внимания миграционные процессы, как, с одной стороны, понятные и универсальные (то есть существовавшие и до Промышленной революции), а с другой, требующие доступа к большим объёмам разрозненных данных, который в значительной степени был ограничен.

При этом миграционные исследования (а их история укладывается всего в 140 лет) подвергаются существенной критике, в основе которой лежат тяжёлые обвинения в противоречивости и фрагментарности выделяемых результатов.

Во многом такое восприятие противоречий восходит к метатеоретическим изменениям. Развитию миграционных теорий в разные периоды времени сопутствовали новые повороты в общественных науках, напрямую не связанные с миграционными процессами. Тем не менее они задавали общее направление исследовательской моде [Kwa 2011]. Эту моду можно было бы, вслед за Д. К. Гэлбрейтом, назвать общепринятой мудростью [Galbraith 1958], ориентируясь на А. Грамши — здравым смыслом [Gramsci 1971], а используя терминологию Т. Парсонса — метатеорией [Parsons 1979]. Между этими определениями существует множество различий, однако для настоящего текста важна их общая черта: все они описывают «что-то настолько очевидное, что с этим даже не нужно спорить» [Castles 2009: 2]. Однако эта бесспорность всегда ограничена во времени [Yurchak 2006].

Подходящие примеры легко можно найти и в общественном, и в научном пространстве. Для научного пространства примерами могут служить доминирующие в разное время принципы человеческого поведения, часто предполагавшие диаметрально противоположные суждения. Кардиналь-

ное изменение в восприятии принципов, положенных в том числе в основу исследований миграции, приводило, в свою очередь, к противоречиям уже внутри миграционных теорий.

Сегодня можно выделить ряд подобных метатеоретических поворотов, существенно менявших исследовательские представления о миграции. К ним можно отнести (но не ограничиваться ими) следующие: изменения, произошедшие (и происходящие до сих пор) в оценке места человека в социальной структуре [Connell 1997; Heath 2020]; смену принципов методологического национализма на аналитические принципы глобальности [Wimmer, Glick Shiller 2002: 301; Glick Shiller 2023]; изменения в восприятии современности [Portes 1973: 252] и др. К числу таких поворотов также относится переход от классического подхода к неоклассическому.

Ко второй половине XX века неоклассическая теория выходит за рамки экономической дисциплины. Превратившись в метатеоретическое основание для большого круга учёных, она предлагает замену принципам классической экономики, господствовавшим два предыдущих столетия. Неоклассики скорректировали общие представления о равновесном состоянии социальных систем как основе общественного блага, переосмыслили роль государственного регулятора в его достижении, предложили принцип предельной полезности и ввели допущения к постулатам невмешательства (*laissez-faire*).

В результате этих изменений миграция перестала рассматриваться как автономный феномен. Исследователи начали видеть в ней комплексный процесс, зависящий от общего состояния системы капиталистической экономики. Этот поворот в восприятии миграции научным сообществом заложил фундамент для критики фрагментарности [Arango 2010], а иногда и противоречивости миграционных теорий разных периодов.

В настоящей статье предлагается рассмотреть, как принципы неоклассического подхода, превращённые в метатеоретические основания, меняли исследования миграции. Сфокусировав свой анализ на работах исследователей, часто характеризующихся как представителей экономического или неоклассического направления, попытаемся проверить, действительно ли смена классического подхода на неоклассический в изучении миграции заложила основу для непреодолимых противоречий между миграционными исследованиями и теориями далёкого прошлого (конец XIX и начало XX веков), недавнего времени (середина — конец XX века) и настоящего (XXI век).

В анализ были включены работы А. Льюиса, Д. Харриса и М. Тодаро, В. Зелинского, М. Пиоре, О. Старка и Д. Блума, а в качестве ключевых вопросов выделены следующие:

- Существует ли связь между работами упомянутых авторов и их предшественниками?
- Какой вклад внесли анализируемые исследования в современное восприятие миграции?
- Что послужило двигателем миграционных исследований второй половины XX века, характеризующихся большинством в качестве прорывных (и действительно ли они являются таковыми)?
- Отличает ли что-то так называемый экономический этап исследований миграции (работы представителей которого и включены в анализ) от других исторических этапов ее исследования?

Основа критического анализа миграционных теорий

Современных авторов, анализирующих миграционные теории, объединяет два критических тезиса. Представленные в двух наиболее цитируемых текстах, посвящённых критическому анализу мигра-

ционных теорий [Massey et al. 1993; Arango 2010], неоднократно повторенные (см.: [Адедиран 2015; Абылкаликов, Винник 2012] и др.), а в некоторых случаях и дополненные [Portes 2010], они создали общее ощущение противоречивости и несопоставимости различных миграционных данных и миграционных теорий, вплоть до сегодняшнего дня существенно мешающее фундаментальному и прикладному анализу миграционных процессов.

Первый тезис заключается в том, что «теоретизирования о миграции не являются цепочкой последовательных открытий <...> а представляют собой не связанные между собой утверждения» [Arango 2010: 283]. Это замечание о присущей теориям фрагментарности основывается на восприятии значимых миграционных исследований как узкодисциплинарных. Типичным в этом контексте выглядит утверждение Р. Кинга и Р. Скелдона, которые, характеризуя попытки анализа миграционных процессов, писали: «Изучение миграции всегда было разделено по дисциплинам между демографами, географами и экономистами <...> и это деление вызывает фрагментарность ее восприятия» [King, Skeldon 2010: 1631].

Второй критический тезис заключается в том, что начальный период изучения миграции, насчитывающий около 80 лет (1895–1960-е гг.) не добавляет знаний о миграции (из-за попыток построить всеобъемлющую теорию [Pryor 1981: 128]), но, как лаконично сформулировал Дж. Аранго, «в настоящее время представляет исторический интерес» [Arango 2010: 283].

Для нашего анализа необходимо пристальнее взглянуть на эти два тезиса Во-первых, начальный период исследования миграции, выделенный Дж. Аранго, отличается от последовавших за ним этапов не столько осуждаемая сегодня верность принципам социальной физики и попытка глобальных обобщений (сохранившаяся до сих пор), сколько редкое для современности восприятие миграции как самостоятельного и автономного феномена. Попытки осмысления миграции, начавшиеся с работ Э. Равенштайна [Ravenstein 1876] и обобщённые в труде Э. Ли [Lee 1966], восходили к базовому вопросу У. Фарра² о существовании каких-либо закономерностей в миграционных процессах [Ravenstein 1885] и в качестве цели преследовали поиск этих внутренних закономерностей. Позже изучение миграции, начавшееся с работ нобелевского лауреата А. Льюиса [Lewis 1956] и включавшее исследования М. Тодаро и Дж. Харриса [Harris, Todaro 1970], В. Зелинского [Zelinsky 1971] и М. Пиоре [Piore 1979], О. Старка и Д. Блума [Stark, Bloom 1985], представляли миграцию, основываясь на популярных в то время принципах неоклассической экономики, уже не автономным, а комплексным процессом, зависимым от общего состояния глобальной системы либеральной (капиталистической) экономики. Это комплексное восприятие миграции превалирует в исследованиях и сегодня, что сближает современных авторов с авторами второй половины XX века и отдаляет их от авторов начального периода. Однако это вовсе не означает, что исследования Э. Равенштайна [Ravenstein 1876; 1885; 1889], С. Стауффера [Stouffer 1940], Дж. Зипфа [Zipf 1949] или теория Э. Ли [Lee 1966] бесполезны для построения современных теорий. Именно первые 80 лет изучения миграции позволили сформулировать основные вопросы, актуальные и сегодня: как отличить мигранта от немигранта? Являются ли мигранты социальной группой? Существуют ли стратегии миграционного поведения? Как принимающее сообщество реагирует на мигрантов (см.: [Лисицын, Орлова, Степанов 2022; Лисицын, Степанов 2022] и др.)?

Во-вторых, утверждение, что миграционные теории разделены по дисциплинам между демографами, географами, экономистами, антропологами и др. и, как следствие этого, фрагментированы, также неоднозначно. Это ощущение фрагментарности возникает из-за того, что анализу миграционных процессов в разные периоды времени сопутствовали новые повороты в общественных науках, напрямую не связанные с исследованиями миграции, но задающие исследовательскую моду и в целом влияющие

² Фарр Уильям (*Farr William*; 1807–1883) — британский эпидемиолог, один из основателей медицинской статистики.

на исследовательские стили [Kwa 2011]. Например, сильное влияние на авторов начального этапа исследований миграции оказывали представления Т. Мальтуса [Malthus 1798], ассоциированные с демографической наукой; принципы маржинализма [Marshall 1922] и кейнсианства [Кейнс 2007], появившиеся в экономике, — на авторов середины XX века; традиция социального конструктивизма [Berger, Luckmann 1966] — на период конца XX века. Однако исследовательские стили и присущая конкретному периоду мода автоматически не заключают работы всех авторов в дисциплинарные рамки того направления, в котором эта мода родилась.

Более того, анализ миграционных теорий демонстрирует, что их развитию от начала и до сегодняшнего дня способствовали изменения, происходившие в двух по определению адисциплинарных полях — в области методик исследования, а также в характере и объёме данных. Например, развитие методов качественного антропологического анализа позволило к концу XX века включать в исследования миграции данные о субъективных смыслах, присущих миграционному поведению, а также о повседневных практиках мигрантов. Развитие экономической статистики в середине XX века позволило расширить спектр доступных для анализа данных по сравнению с начальным периодом исследования миграции, где в основном использовались материалы переписей населения. Однако появившиеся новые методики и новые данные не заменяли собой старые, но дополняли их³.

Подвергнув сомнению дисциплинарное деление миграционных теорий в качестве одного из объяснений их фрагментарности, мы также полагаем, что в целом история миграционных исследований не состоит из несвязанных друг с другом обобщений, как утверждали Р. Кинг и Р. Скелдон, но подчинена логике продвижения от общего к частному. Например, рассуждение Э. Равенштайна о влиянии фактора расстояния на перемещение населения [Ravenstein 1885] развивается в работах С. Стауффера, предполагавшего, что это расстояние нужно измерять не только в «единицах пространства, но также в единицах времени или стоимости» [Stouffer 1940: 846]. Рассуждения С. Стауффера, в свою очередь, получают развитие в работах Дж. Зипфа, уточняющего влияние субъективного восприятия расстояния на выбор стратегий миграционного поведения [Zipf 1949]. Работа Э. Ли, опубликованная во второй половине XX века и являющаяся одной из самых цитируемых работ за всю историю миграционных исследований [Lee 1966], полностью основывается на рассуждениях его предшественников, как полагают исследователи (см.: [Лисицын, Степанов, Орлова 2023]). Эта преемственность развития миграционных теорий сохранилась и до настоящего времени. Например, все перечисленные работы начального этапа миграционных исследований продолжают оказывать влияние и на труды уже современных учёных. В частности, около двух с половиной тысяч исследований (по данным базы SCOPUS), результаты которых были опубликованы в 2018–2021 гг., в своей методологической части обращаются к теориям начального этапа, а самые популярные работы, ссылающиеся на упомянутых авторов, опубликованы в 2000 г. и позже⁴.

Характеристики экономического этапа

Период исследования миграции, который с незначительными допущениями можно представить как время между 1960-ми и 1980-ми гг., часто связывают с экономическими исследованиями. К этому периоду относятся такие значимые работы по миграции, как исследования А. Льюиса и М. Тодаро, В. Зе-

³ Например, Э. Равенштайн использует в исследовании доступные на тот момент данные переписей населения; его последователь С. Стауффер оперирует уже не только демографическими, но появившимися благодаря проекту «Инвентаризация недвижимости г. Кливленда» («Real Property Inventory of the Metropolitan Cleveland») экономическими данными о перемещающихся домохозяйствах. Дж. Зипф, помимо уже введённых предшественниками демографических и экономических данных, дополняет своё исследование новыми материалами, применяя контент-анализ публикаций в СМИ, анализ телефонных сообщений и статистики пассажирских железнодорожных перевозок.

⁴ На основе анализа цитируемости научных публикаций базы данных SCOPUS (сентябрь 2022 г.).

линского, М. Пиоре и О. Старка и др. Несмотря на то что далеко не все даже самые заметные авторы этого периода являлись представителями экономических дисциплин, в целом результаты их исследований рассматриваются как «вклад, созданный в области экономики» [Arango 2010: 284]. Это представление прочно укоренилось и в англоязычной, и в русскоязычной литературе [Бельская 2016: 145] по миграционным исследованиям.

При этом данный период, по мнению современных авторов, являлся чрезвычайно продуктивным для формулирования тех представлений о миграции, на которые и сегодня опираются исследователи по всему миру. Например, в популярный обзор Д. Мэсси и его коллег [Massey et al. 1993] о значимых теориях миграции попадают только работы, опубликованные после 1966 г, а в представленной Дж. Аранго критике миграционных теорий подчёркивается, что в целом «время теоретизации о миграции — это время второй половины XX века и особенно его последней трети» [Arango 2010: 283].

Пытаясь разобраться в причинах появления важных открытий о миграционных процессах, присущих этому этапу, исследователи указывают на естественные факторы, такие как интенсификация миграционных потоков, произошедшая после Второй мировой войны, обусловленная в том числе изменением миграционных политик ряда государств. К таким изменениям, например, относят произошедшие в 1967 г. изменения в политике Канады, где была введена балльная система допуска в государство, или отказ Австралии от политики «белой страны», а также чуть более позднее послабление в миграционной политике Японии [Бреттелл, Холлифилд 2007]. Все это приводит к тому, что исследователи определяют вторую половину XX века как эпоху миграции» [Castles, Miller 1993]. Вместе с тем, учитывая естественные факторы, критики также подчёркивают существенное влияние на развитие миграционных теорий популярных в то время базовых идей, присущих неоклассической экономике, а именно принципа человека экономического и свойственных ему устойчивости предпочтений и рациональности выбора, а также максимизации полезности [Eggertsson 1990: 19].

Однако ко всем перечисленным выше факторам, существенно отличающим, по мнению критиков, данный период исследования миграции от предыдущего этапа и обеспечивающим прорывной характер рассуждений о миграции, следовало бы относиться со значительной долей скепсиса.

Во-первых, анонсируемая С. Кастлесом и М. Миллером «эпоха миграции» [Castles, Miller 1993], как и происходившие в то время существенные изменения миграционного законодательства [Brettell, Hollifield 2015], в большей степени характеризуют международную (внешнюю) миграцию. И даже если согласиться с утверждением, что во второй половине XX века объёмы внешней миграции существенно возросли (что, по многим данным, не соответствует действительности⁵), то из поля зрения выпадет внутренняя миграция, которая всегда существенно превышает по численности внешнюю⁶ (при этом оказывая не меньшее влияние на экономику) и, что важно для настоящего текста, едва ли заметно изменилась в 1960–1980-е гг.

Во-вторых, понимание человека экономического, присущее популярной в то время неэкономической теории, возникает не в середине XX века, а значительно раньше. Постулаты рационального выбора и максимизации полезности, начиная с работ А. Смита, красной нитью проходят через всю политэкономии и с начала XIX века (в трактовке Д. Рикардо [Ricardo 1815]) занимают доминирующую позицию в

⁵ Согласно докладу ООН за 2017 г., численность международных мигрантов не меняется с 1960 г. по настоящее время и составляет 3% [International Migration Report 2017].

⁶ Например, в 2008 г., по данным Международной организации по миграции (International Organization for Migration — МОМ), оценка численности международных мигрантов, то есть тех, кто живёт за пределами своей страны рождения, составляла 200 млн человек [World Migration Report 2008], а произведённая ООН в 2009 г. оценка численности внутренней миграции составила 740 млн человек [Overcoming Barriers... 2009].

научных дискуссиях. Ко второй половине XX века адаптированные ранее трактовками маржиналистов [Marshall 1922], эти принципы составят основу для неоконической теории. Например, М. Тодаро и Л. Маруско, характеризуя неоклассический подход в миграции, так описывают его: «Неоклассическая теория представляет мигрантов как рациональных индивидов, которые принимают решение о миграции на основе сопоставления ожидаемых выгод и предполагаемых издержек (*cost-benefit approach*)» [Todaro, Maruszko 1987: 106]. Однако те же принципы лежали и в основе работ авторов начального этапа миграционных исследований. Например, предположение С. Стауффера, что «количество людей, преодолевающих определённое расстояние, прямо пропорционально количеству возможностей на этом расстоянии и обратно пропорционально количеству промежуточных возможностей» [Stouffer 1940: 846], базируется на тех же характеристиках человека экономического, как и предложенное чуть позже Дж. Зипфом объяснение миграционного поведения через «принцип наименьших усилий» [Zipf 1949].

Кроме того, основываясь на фиксации схожих претензий, предъявляемых работам начального и последовавшего за ним периода, стоит с определённой долей скепсиса относиться и к такой характеристике теорий второй половины XX века, как наличие в них прорывной составляющей. Многочисленные претензии к теориям, появившимся в первые 100 лет изучения миграции, сводятся к недостаточному объёму данных, используемых для построения. По мнению критиков начального этапа, недостаточно было демографических данных, а для критиков последующего периода — экономических. Например, оценивая работы, основанные на использовании преимущественно данных переписи населения, Д. Томас в обзоре 1938 г. заявляла: это приводит к тому, что «в них отсутствуют какие бы то ни было внятные обобщения» (см: [Lively 1940: 300]). В свою очередь, в обзоре 2010 г. Дж. Аранго, говоря уже о работах второй половины XX века, отмечал: «Любая теория, построенная в основном на экономических материалах, неизбежно сталкивается с проблемами <...> влияния политических факторов» [Arango 2010: 294]. Таким образом, не только начальный и последовавший за ним периоды объединяются одними критическими основаниями, но и все существующие теории миграции объединяются общей тенденцией несоответствия собственных притязаний полученным результатам [Arango 2010].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о сомнительности выделения исследовательского периода второй половины XX века как этапа, уникальность которого базируется на трёх китах — рост миграционных потоков, новые концептуальные рамки и, как следствие этого, прорывной характер миграционных теорий.

Вместе с тем стоит отметить, что интуитивное восприятие этого периода изучения миграции как отличного от предшествующих не лишено оснований. Например, утверждение Дж. Аранго, что «теории обычно следуют за фактами, появление которых открывает новую эру в способах мышления о миграции» [Arango 2010: 287], представляется оправданным, если под фактами понимать не новые явления реального мира, а новые данные, на которых ранее внимание исследователей не фокусировалось, а теперь они направляют их размышления о миграции.

Использование преимущественно демографических данных, характерное для построения теорий первой половины XX века, влияло не только на исследовательские выводы, но и на саму постановку вопросов о миграционных процессах. По этой причине вопросы, определённые спецификой данных переписей населения, не позволяющей исследователям выходить за рамки понимания внутренних закономерностей, звучат следующим образом:

- Кто такие мигранты?
- Что такое миграция?
- Как измерять миграционное расстояние?

Так характеризует постановку вопросов в миграционных исследованиях, основанных на демографических данных, Д. Холлифилд: «Поскольку демографы используют вторичные данные, они должны быть в первую очередь озабочены тем, какими определениями понятий миграция и иммиграция руководствовались люди, собиравшие эти данные» [Бреттелл, Холлифилд 2007: 33].

Специфике исследований второй половины XX века способствовали три тенденции, существенно изменившие объём и характер доступных эмпирических материалов.

Первая тенденция — это расширение функций надгосударственных объединений [Ионцев 1999: 11], упростившее сбор обширных эмпирических данных. Например, по окончании Второй мировой войны исследованиями миграции начинают активно заниматься международные организации, такие как МОМ⁷, ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития — Organisation for Economic Co-operation and Development)⁸, Всемирный банк (The World Bank)⁹, ООН. В рамках ООН были организованы специальные подразделения: Международная организация по туризму (World Tourism Organization — UNWTO)¹⁰, Фонд ООН в области народонаселения (United Nations Fund for Population Activities — UNFPA, или United Nations Population Fund)¹¹ и Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (United Nations High Commissioner for Refugees — UNHCR, или The United Nation Refugee Agency)¹².

Вторая тенденция заключается в попытках устранения выявленных барьеров в сборе и обработке уже широко применяющихся демографических данных. Так, в 1953 г. ООН принимает классификацию основных групп мигрантов [International Migration Statistics 1953], в 1949 г. — документ, определяющий термин «трудящиеся-мигранты» [Конвенция... 1949], в 1951 г. регламентируется понятие «беженец» [Конвенция ООН... 1951] и др.

Третья тенденция — это развитие методов сбора информации. Вот как об этом писали в 1985 г. О. Старк и Д. Блум: «Недавние эмпирические исследования <...> миграции принесли пользу не за счёт появившихся в них новых теоретических идей, а за счёт предложенных ими новых методов сбора информации <...> Среди них — методы анализа качественных зависимых переменных, методы, корректирующие смещение выборки, методы лонгитюдных и псевдолонгитюдных исследований (*longitudinal and pseudo-longitudinal data*)» [Stark, Bloom 1985: 176].

Эти тенденции, приведшие к существенным изменениям в объёмах и характере данных, позволили учёным сформулировать новые исследовательские вопросы, ориентированные уже не столько на поиск внутренних закономерностей миграции, сколько на её комплексное восприятие как составной части глобальной и национальной социальных систем. Новые эмпирические данные позволили шире взглянуть на миграционные процессы, обратить внимание на их зависимость и попытаться оценить их влияние на модернизацию и перераспределение факторов производства, на привлечение иностранной валюты и укрупнение торговых связей, на тенденции экономического роста и распределения социального капитала и в целом на поиск равновесного состояния, способного приблизить жизнь людей к идеалам, которые позже определяют как либеральное государство всеобщего благоденствия (*Liberal Welfare State*) [Spicker 2013].

⁷ См. официальный сайт Международной организации по миграции: <https://www.iom.int/>

⁸ См. официальный сайт организации: <https://www.oecd.org/>

⁹ См. официальный сайт Всемирного банка: <https://www.worldbank.org/en/home>

¹⁰ См. официальный сайт организации: <https://www.unwto.org/>

¹¹ См. официальный сайт организации: <https://www.unfpa.org/>

¹² См. официальный сайт организации: <https://www.unhcr.org/>

Миграция: от микропричин к макропоследствиям

Причины миграции

Восприятие миграции как комплексного процесса позволило исследователям сформулировать новые вопросы о причинах, её вызывающих, ответы на которые выходили за рамки классических рассуждений об экономической рациональности индивидов и различиях регионов. Взяв за основу эти рассуждения, авторы второй половины XX века дополняли их обобщениями более высокого порядка, выделяя связи с социально-экономическими явлениями на макро- и микроуровнях.

Например, А. Льюис, подтверждая, что причиной миграции является стремление к экономии [Lewis 1956: 11], проявляющееся на микроуровне, объяснял его возникновение характером экономического роста, фиксируемого на макроуровне. «Эмиграция, — пишет Льюис, — связана с теорией экономического роста и доктриной неизбежного перенаселения <...> согласно которой любая нация, которой посчастливилось найти какие-либо средства повышения своего уровня жизни <...> в определённый момент неизбежно столкнётся с его снижением за счёт роста её населения» [Lewis 1956: 358], то есть «любая нация, которая переживает экономический рост, в конечном счёте “трещит по швам” и вынуждена искать новые земли для своего народа» [Lewis 1956: 358].

Причины миграции, выделенные М. Тодаро и Дж. Харрисом вслед за предшественниками, включая А. Льюиса и авторов начального этапа [Ravenstein 1885; Stouffer 1940; Zipf 1949], также основывались на принципах экономической рациональности и различиях регионов. «Работники, — пишет Тодаро, — как правило, уезжают из стран или регионов, где рабочей силы в избытке, а заработная плата низкая, в страны с дефицитом рабочей силы, где заработная плата высокая» (цит. по: [Arango 2010: 285]). Вместе с тем существование подобных различий, по мнению М. Тодаро, происходит из-за неравномерного географического распределения рабочей силы и капитала [Todaro 1976]. Таким образом, причины миграции с точки зрения макроуровневого анализа, произведённого М. Тодаро и Дж. Харрисом, кроются в неравновесном состоянии пространственного распределения производственных мощностей как ответа на различие в относительной цене. В то время как микроуровень анализа показывает, что миграция происходит в ответ на «различия в ожидаемых доходах между сельскими районами и городами с учётом уровня занятости в последних» [Harris, Todaro 1970: 126].

Предложенная В. Зелинским концепция «перехода к мобильности» [Zelinsky 1971: 220], которая, по его же собственным словам, являлась «плодом любви ... теории демографического перехода и принципа наименьших усилий» [Zelinsky 1971: 220], также основывается на принципах рационального выбора и ключевом значении экономических факторов как причин миграций. Предложенный им исторический анализ географической мобильности, насчитывающий пять фаз, лишь на четвёртой фазе слабо демонстрировал влияние неэкономических мотиваций к миграции [Zelinsky 1971: 247]. При этом причину перехода от одной фазы мобильности к другой В. Зелинский (также как и его предшественники) анализировал на макроуровне и связывал её с инновациями и сопутствующими им процессами модернизации. «Переход от относительно ограниченного состояния физической и социальной мобильности — пишет В. Зелинский — к более высоким темпам перемещения всегда происходит по мере того, как общество переживает процесс модернизации ... а важные социальные события всегда появляются вблизи появившихся инноваций» [Zelinsky 1971: 219].

Размышления о причинах миграции О. Старка и Д. Блума также основывались на таких принципах микроуровня, как максимизация прибыли или полезности [Stark, Bloom 1985: 173]. При этом причины миграции микроуровня также рассматриваются ими через анализ явлений макроуровня. Взяв за основу предположение, что «доход не является однородным благом» [Massey et al. 1993: 438], О. Старк и его

соавтор особое внимание уделяли равновесию на рынке труда [Stark, Bloom 1985: 177], объясняя его отсутствие в том числе безработицей и неурожаем, несовершенством кредитных и страховых рынков (см.: [Arango 2010: 288]), процессами старения населения [Stark, Bloom 1985: 177] и др. Вместе с тем основной заслугой О. Старка и Д. Блума считаются три введённых ими дополнения, описывающих причины миграции на микроуровне. Первое заключается в том, что рациональный выбор принимает не сам мигрант, а более крупные объединения связанных с ним людей (обычно это семья или домохозяйство) [Stark, Bloom 1985]. Второе состоит в том, что люди переезжают не только для максимизации ожидаемого дохода, но и для минимизации рисков (см.: [Massey et al. 1993: 436]). Согласно третьему дополнению, решение о миграции принимается не столько на основании реальных низких доходов домохозяйств, сколько на основе фиксации «неравенства в доходах внутри референтной группы» [Stark, Bloom 1985: 173].

Следствия миграции

Исследователи миграции второй половины XX века, привлекая данные макроуровня, значительно расширили возможности своих объяснительных моделей. Используя размышления предшественников о субъективных мотивах мигрантов в качестве основы, каждое значимое исследование нового этапа дополняло их причинами комплексного характера, встраивая миграцию в различные национальные и наднациональные социальные системы. Одновременно с попытками проследить зависимость миграции от иных социальных процессов формулировались и новые исследовательские вопросы об обратной зависимости этих процессов от миграции, открывая дорогу инструменталистским миграционным теориям.

Вместе с тем отсутствие разноплановых эмпирических данных в первой половине XX века существенно ограничивало анализ последствий миграции. До середины XX века этот анализ по большей части, был представлен двумя направлениями:

- исследователи концентрировали внимание на демографических последствиях миграции для различных регионов, привлекая для обоснования популярные на тот момент идеи Т. Мальтуса [Malthus 1798], а также доступные данные переписей населения;
- на основании личного опыта и индивидуальных наблюдений, описанных в работах предшественников, исследователи искали зависимость между, например, миграцией и преступностью, доходами или рабочими местами [Ravenstein 1885], что в действительности представляло собой амбициозную, но интуитивную попытку нащупать связь между миграцией и иными социальными процессами.

Построением выводов о последствиях миграции, основанных на демографических данных, не пренебрегали и исследователи второй половины XX века, однако чем ближе к XXI веку были их исследования, тем большее влияние оказывали на их выводы и другие типы данных.

В частности, А. Льюис, вслед за своими предшественниками рассуждая о миграции как о возможном инструменте борьбы с перенаселением, подчёркивал, что аргументы, доказывающие его эффективность, одновременно и опровергают её: «Парадоксально, но та же самая аргументация приводит к выводу, что миграция не даёт реального облегчения от перенаселения. Если население растёт до предела возможности поддержания прожиточного минимума, то сокращение численности населения за счёт исходящей миграции вскоре снова увеличится благодаря входящим миграционным потокам» [Lewis 1956: 358].

Обращаясь к данным микроуровня, А. Льюис продолжает характерные для исследователей первой половины XX века (см., например: [Hofstee 1952]) рассуждения о селективных свойствах миграции, однако рассматривает её не только как причину миграции отдельных людей, но и как её следствие. «Иммигранты, — утверждает А. Льюис, — это избранная группа, состоящая из целеустремлённых индивидов. Они переехали, чтобы стать лучше. Одно только участие в миграции, предполагающее контакт с новой средой, обостряет их ум и способность критически мыслить» [Lewis 1956: 364].

Основываясь на данных макроуровня, А. Льюис ищет взаимозависимость миграции и иных социальных процессов. Например, он пытается оценить влияние миграции на развитие мировой торговли, в том числе на расширение рынков сбыта или ресурсов и отмечает: «За счёт миграции Англия начала своё вторжение на мировые рынки около шести столетий назад» [Lewis 1956: 352]. К последствиям миграции А. Льюис относит также возможное увеличение объёма денежных средств на национальных рынках валюты в том случае, если «эмигранты совершают денежные переводы на родину, поддерживая оставшихся там близких <...> Такие переводы являются крупной и желанной статьёй в платёжном балансе многих стран» [Lewis 1956: 360]. Иными словами, речь идёт о миграции как о «важном механизме развития экономики, использующем потенциал роста за счёт существующих экономических диспропорций <...> в частности, между традиционным и современным секторами экономики, между отправляющими и принимающими регионами» (цит. по: [Arango 2010: 284–285]), и все, отмечает А. Льюис, от этого выигрывают [Lewis 1956: 360].

Продолжая рассуждения А. Льюиса о следствиях миграции, М. Тодаро и Дж. Харрис также обращается к существующим диспропорциям, особое внимание уделяя различию городских и сельских экономик, связующим звеном между которыми, по его мнению, и является миграция. Способствуя перераспределению факторов производства, она в долгосрочной перспективе должна привести к выравниванию заработной платы между регионами и странами, а затем к устранению изначально сформировавшегося неравенства [Harris, Todaro 1970: 132]. Фактически миграция для М. Тодаро является результатом неравномерного географического распределения рабочей силы и капитала (см.: [Arango 2010: 285]) как следствия пространственного перераспределения факторов производства в ответ на различные относительные цены [Todaro 1976]. К последствиям миграции, стремящейся устранить выявленную неравномерность, М. Тодаро относит повышение коэффициентов капиталоотдачи производств, что, в свою очередь, приведёт к развитию обоих секторов экономики.

Существенное влияние миграции на развитие социальных систем вслед за своими предшественниками подчёркивают В. Зелинский и О. Старк. Для В. Зелинского модернизация одновременно является и причиной, и следствием миграции. «Склонность к миграции, — пишет он, — действительно возникла в наиболее развитых социально-экономических зонах, но затем вместе с элементами модернизации распространилась и в менее развитые и доступные регионы» [Zelinsky 1971: 238]. В. Зелинский считает XX век периодом возросшей значимости миграции как инструмента распространения инноваций. «Существующие в течение новейшей истории закономерности роста личной мобильности, — подчёркивает он, — составляют важнейший компонент процессов современной модернизации» [Zelinsky 1971: 222]. О. Старк и Д. Блум вслед за В. Зелинским также утверждают, что «миграцию нужно рассматривать как процесс внедрения и распространения инноваций» [Stark, Bloom 1985: 176], однако уже по иным причинам. Взяв за основу данные микроуровня, свидетельствующие о том, что миграция из сельской местности обеспечивает домохозяйствам минимизацию рисков (см.: [Stark, Bloom 1985]) за счёт диверсификации источников дохода и проведя аналогию этого обеспечения со страховыми программами, характерными для городов, О. Старк и его соавтор предполагают в качестве её следствия расширение возможностей инвестирования, что и является двигателем инноваций в сельском хозяйстве.

Проводя обзор миграционных теорий второй половины XX века, Д. Мэсси с соавторами утверждали, что важной их чертой является концентрация на данных микроуровня для обоснования миграционного поведения [Massey et al. 1993: 440]. Представленный выше анализ причин и следствий миграции в целом подтверждает это утверждение, однако с тем уточнением, что использование представленными авторами принципа экономической рациональности, предполагающее обращение к микроуровню, не исключает из анализа данные макроуровня, но дополняет их. Такое сочетание макро- и микрооснований существенно влияет на выводы учёных этого периода и оказывается их отличительной чертой по сравнению с работами предшествующего этапа. Таким образом, фактическим основанием для этих исследований послужила максима методологического индивидуализма [Heath 2020], ближе к концу XX века определённая Дж. Александером и его соавторами как необходимость изучать макросоциальные явления, привлекая микрооснования [Alexander et al. 1987]. Руководствуясь этой максимой, учёные второй половины XX века анализировали миграцию, с одной стороны, как комплексный процесс, являющийся неотъемлемой частью общей социальной системы, а с другой стороны, как совокупность единичных миграционных актов.

Равновесные состояния

Уже упоминалось, что попытки А. Льюиса и М. Тодаро, В. Зелинского и О. Старка встроить миграцию в глобальную систему общественных отношений основываются на доминирующих в то время принципах неоклассической экономики.

Часть из этих принципов была окончательно сформулирована лишь в первой половине XX века (например, тогда была впервые определена категория предельной полезности), но большинство принципов все же составляли переосмысленные и уточнённые постулаты классической экономики. К этим последним относятся, например, принцип равновесного состояния, существенно расширившийся в понимании неоклассической теории за счёт увеличения количества переменных, требующих баланса; представление о роли государственного регулятора в попытках достижения баланса; постулаты невмешательства (*laissez-faire*); принципы максимизации полезности и рационального поведения.

Перешедшие из классической экономики и получившие новую жизнь в рамках неоклассической теории эти принципы ко второй половине XX века перестают быть исключительно экономическими, но обретают новое значение в качестве метатеоретических [Parsons 1979] оснований для большого круга учёных из разных дисциплин. Например, препятствием на пути к либеральному государству всеобщего благоденствия теперь рассматриваются не только дисбалансы, обычно относящиеся к экономической системе (спрос и предложение, аккумуляция и распределение капитала), но и иные пары переменных (социальная и географическая мобильность, внешние и внутренние перемещения), требующие как минимум определения взаимозависимости, а как максимум — возможной сбалансированности.

При этом классическое стремление к равновесным состояниям внутри экономической системы подталкивает исследователей этого периода к тому, чтобы смотреть на миграцию как на инструмент для достижения баланса между несбалансированными переменными. Например, представляя модель, направленную на поиск равновесного состояния между сельским и городским секторами, М. Тодаро и Дж. Харрис писали: «Эти два сектора тесно связаны между собой через трудовую миграцию» [Harris, Todaro 1970: 133]. Контролируя миграцию, отмечали те же исследователи, можно попытаться достичь состояния, при котором «предельный продукт нанятой рабочей силы в промышленности сравнивается с заработной платой, которая, в свою очередь, сравнивается с предельным продуктом в сельском хозяйстве, что и будет состоянием оптимального распределения ресурсов» [Harris, Todaro 1970: 132]. В. Зелинский также видел в миграции инструмент достижения баланса, рассматривая возможность получения оптимальной экономической отдачи через инструменты регулирования количества занятых в первич-

ном секторе производства [Zelinsky 1971: 245]. О. Старк и Д. Блум, в свою очередь, отмечали влияние миграции «на заработную плату и занятость в контексте структурных моделей равновесных и неравновесных рынков труда» [Stark, Bloom 1985: 177]. Кроме того, подчёркивая, что доход не является однородным благом, а диверсификация его источников значима, они рассматривали миграцию как инструмент снижения рисков домохозяйств, что, как следствие, стимулирует повышение инвестиционного спроса, необходимого для достижения баланса спроса и предложения в целом [Stark, Bloom 1985]. А. Льюис же видел в миграции один из возможных инструментов достижения баланса между занятостью и оптимальной производительностью труда [Lewis 1956: 358].

Таким образом, выстроенные исследователями рассматриваемого периода теоретические модели опирались на осмысление экономических диспропорций и определяли миграцию как связующее звено между требующимися равновесия переменными. Миграция в этих моделях становилась важнейшим механизмом развития экономики в целом, используя который, государственный регулятор оказывал бы влияние на диспропорциональные переменные экономических систем, что в случае правильной политики привело бы к «однозначному повышению совокупного благосостояния» [Harris, Todaro 1970: 135].

Заключение

Развитие методов сбора и обработки данных, характерное для второй половины XX века, позволило взглянуть на миграцию как на неотъемлемую часть глобальных социально-экономических процессов. Комплексность в восприятии миграции является одновременно и объединяющим фактором для всех упомянутых в данном тексте авторов, и фактором, отличающим их идеи от идей исследователей начального этапа изучения миграции. Вместе с тем развитие исследовательских инструментов позволяет не только формулировать новые вопросы о миграции, но и уточнять и развивать идеи своих предшественников [Ravenstein 1887; Stouffer 1940; Lee 1966], демонстрируя тем самым преемственность между исследованиями первых ста лет изучения миграции и подвергая сомнению критику, касающуюся как фрагментарности миграционных теорий, так и исключительной исторической ценности периода первой половины XX века. Авторы этого периода обращаются к работам предшественников и пытаются переосмыслить ответы на те же вопросы: «Насколько далеко или как долго нужно проехать, чтобы стать мигрантом? Как отличаются пункты отправления и назначения? Могут ли и до какой степени перемещения быть повторяющимися?» [Zelinsky 1971: 223–224]. Возникновение же новых вопросов, связанных с миграционным поведением, по большей части основывается на связях миграции с иными социальными процессами и подчинено неоклассической исследовательской моде, транслирующей инструментальный подход к миграции. Например, «было бы интересно изучить, уменьшается ли сила миграционной реакции на разницу в заработной плате с течением времени или какая возникнет реакция на увеличение относительной депривации <...> каково влияние трудовой миграции на заработную плату и занятость на местах» [Stark, Bloom 1985: 176–177].

Однако, несмотря на новые вопросы, безусловно, полезные для понимания миграционных процессов, большая часть утверждений авторов этого периода, так же как и утверждений авторов первой половины XX века [Ravenstein 1887; Stouffer 1940; Lee 1966], не прошли проверку ни временем, ни новыми данными. Во-первых, не оправдались прогностические утверждения, что миграция приведёт к выравниванию уровней благосостояния между странами или регионами [Arango 2010: 287]. Во-вторых, была выявлена ошибка в базовом предположении о существовании пропорциональной зависимости между величиной экономического дисбаланса и объёмами миграции [Arango 2010: 286]. Сегодня уже доказано, что неоклассическое объяснение причин миграции противоречит факту существования дифференциальной миграции, то есть ситуации, когда в одних странах её показатели относительно высокие, а в других, структурно схожих, низкие [Arango 2010: 286]. Существенной выглядит и критика одномерности исследований этого периода, основанная на факте исключения политического измерения из

общей картины мира [Arango 2010: 286]. Эти исследования, пишет Дж. Аранго, «не способны прийти к соглашению с миром, изобилующим барьерами, которые серьёзно ограничивают движение рабочей силы» [Arango 2010: 286].

Помимо выделения слабых сторон неоклассического подхода в целом, современные исследователи подвергают критике и отдельные утверждения каждого из авторов этого периода. Например, представление В. Зелинского о том, что все общества последовательно проходят сменяемость исторических этапов, критиковалось в ряде работ (см.: [Skeldon 1990; Woods 1993; Boyle, Halfacree, Robinson 1998]). Новая экономика миграции О. Старка осуждалась за описание исключительно своеобразных миграционных движений, «характеризующихся многолетними миграционными отношениями» [Arango 2010: 288], а также за описание причин миграции, сфокусированное только на направляющей стороне [Arango 2010: 288].

Обращая внимание на современную критику неоклассических подходов, нельзя не отметить, что вторая половина XX века также являлась временем возникновения альтернативной исследовательской школы, которая видела социальные процессы в терминах конфликта, а не равновесия. Это направление было воплощено в теории зависимости [Prebisch 2016], «которая утверждала, что эволюция капитализма уступила место международному порядку, состоящему из основных промышленно развитых стран и периферийных аграрных стран, связанных неравномерными и асимметричными отношениями» (цит. по: [Arango 2010: 285]), а также в традициях мир-системного анализа [Wallerstein 2011]. Вместе с тем широкое применение в миграционных исследованиях эти альтернативные идеи получают несколько позже, тем самым оставляя пальму первенства за неоклассикой как основным исследовательским стилем второй половины XX века.

Завершить настоящую статью мы хотели бы утверждением, выдвинутым О. Старком и Д. Блумом в одной из знаковых публикаций о миграции рассматриваемого направления. Первая часть этого утверждения актуальна по сей день, в то время как его заключительная часть как на момент своего возникновения, так и сегодня даёт некоторый повод для сомнений: «Мы всё ещё ожидаем эмпирической реализации многих новых теоретических идей, касающихся миграции <...> и верится, что эти исследовательские достижения не могут быть очень далёкими» [Stark, Bloom 1985: 178].

Литература

- Абылкаликов С. И., Винник М. В. 2012. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда. *Бизнес. Общество. Власть*. 12: 1–19.
- Автономов В. С. 1993. *Человек в зеркале экономической теории*. М.: Наука.
- Адедиран А. М. 2015. Ключевые вехи становления современной теории миграции в работах западных учёных XX века. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 1: 30–41.
- Бельская Ю. В. 2016. Миграция в истории экономической науки: гносеологические основания изучения. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 5 (33): 144–155.
- Бреттелл К., Холлифилд Д. 2007. Теория миграций. В сб.: Зайончковская Ж. (отв. ред.) *Методология и методы изучения миграционных процессов*. М.: Центр миграционных исследований; 33–71.
- Ионцев В. А. 1999. *Международная миграция: населения: теория и история изучения*. М.: Диалог МГУ.

Кейнс Дж. М. 2007. *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: ЭКСМО.

Конвенция Международной организации труда № 97 о трудящихся-мигрантах. 1949. Женева, 8 июня.
URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1018307

Конвенция ООН о статусе беженцев. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900366>

Курушина Е. В., Дружинина И. В. 2016. Рациональность поведения российских мигрантов по региональным кластерам. *Фундаментальные исследования*. 3: 584–588.

Лисицын П. П., Гибазов Р. Р. 2022. Начало изучения миграции в России: поиски русского Равенштайна. *Телескоп*. 7 (3): 14–23.

Лисицын П. П., Орлова Н. А., Степанов А. М. 2022. Миграционное поведение: принцип снижения трудозатрат Дж. Зипфа. *Социологический журнал*. 28 (3): 72–90.

Лисицын П. П., Степанов А. М. 2022. Новые законы миграции Э. Равенштайна. *Социологические исследования*. 8: 16–26.

Лисицын П. П., Степанов А. М., Орлова Н. А. 2023. Выполненные и невыполненные обещания Э. Ли: к критике миграционных теорий. *Социологические исследования*. 10: 41–51.

Смит А. 2007. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: ЭКСМО.

Alexander J. C. et al. 1987. *The Micro-Macro Link*. Berkeley: University of California Press.

Arango J. 2010. Explaining Migration: A Critical View. *International Social Science Journal*. 52 (165): 283–296.

Berger P. L., Luckmann T. 1966. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York: Anchor Books.

Boyle P., Halfacree K., Robinson V. 1998. *Exploring Contemporary Migration*. London: Longman.

Brettell C. B., Hollifield F. J. (eds) 2015. *Migration Theory: Talking across Disciplines* (Third edition). New York: Routledge.

Castles S. 2009. Development and Migration-Migration and Development: What Comes First? Global Perspective and African experiences. *Theoria*. 56 (112): 1–31.

Castles S., Miller M. 1993. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. New York: Guilford Press.

Connell R. W. 1997. Why is Classical Theory Classical? *American Journal of Sociology*. 102 (6): 1511–1557.

Eggertsson T. 1990 *Economic Behavior and Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press.

Galbraith J. K. 1958. *The Affluent Society*. London: Hamish Hamilton.

- Glick Shiller N 2023. Connecting Place and Placing Power: A Multiscalar Approach to Mobilities, Migrant Services and the Migration Industry. *Mobilities*. 4 (4): 677–690.
- Gramsci A. 1971. *Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci*. Compiled by Q. Hoare, G. Nowell-Smith. London: Lawrence & Wishart.
- Harris J. R., Todaro M. P. 1970. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. *The American Economic Review*. 60 (1): 126–142.
- Heath J. 2020 (2005). Methodological Individualism. In: Zalta E. N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford, CA: Metaphysics Research Lab, Stanford University. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/methodological-individualism/>
- Hofstee E. W. 1952. *Some Remarks on Selective Migration*. Book Series: Publications of the Research Group for European Migration Problems. VII. Hague: Martinus Nijhoff.
- International Migration Report*. 2017. New York: United Nations.
- International Migration Statistics: Organization and Operation Recommended Standards Sampling*. 1953. Statistical papers. Series M. 20. New York: Statistical Office of the UN, Department of Economic Affairs.
- King R., Skeldon R. 2010. Mind the Gap! Integrating Approaches to Internal and International Migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 36 (10): 1619–1646.
- Kwa C. 2011. *Styles of Knowing: A New History of Science from Ancient Times to the Present*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Lee E. A. 1966. Theory of Migration. *Demography*. 3 (1): 47–57.
- Lewis A. 1954. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *Manchester School*. 22(2): 139–191.
- Lewis A. 1956. *The Theory of Economic Growth*. London: Unwin University Books.
- Lively C. E. 1940. Research Memorandum on Migration Differentials: A Report of the Committee on Migration Differentials. *Journal of Political Economy*. 48 (2): 300–301.
- Malthus T. R. 1798. *An Essay on the Principle of Population As it Affects the Future Improvement of Society*, with Remarks on the Speculations of Mr. Goodwin, M. Condorcet and Other Writers. 1 edn. London: J. Johnson in St Paul's Church-Yard.
- Marshall A. 1922. *Money, Credit and Commerce*. London: MacMillan.
- Massey D. S. et al. 1993. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. 19 (3): 431–466.
- Overcoming Barriers: Human Mobility and Development*. 2009. Human Development Report. New York: United Nations Development Programme.

- Parsons T. 1979. On Theory and Metatheory. *Humboldt Journal of Social Relations*. 7 (1): 5–16.
- Piore M. J. 1979. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Portes A. 1973. Modernity and Development: A Critique. *Studies in Comparative International Development*. 8: 247–279.
- Portes A. 2010 Migration and Social Change: Some Conceptual Reflections. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 36 (10): 1537–1563.
- Prebisch R. 2016. Theoretical and Practical Problems of Economic Growth. In: Bielschowsky R. (compiler) *ECLAC Thinking, Selected Texts (1948–1998)*. Santiago: ECLAC; 109-128.
- Pryor R. J. 1981. Integrating International and Internal Migration Theories. In: Kritz M. M., Keely C. B., Tomasi S. M. (eds) *Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements*. New York: Center for Migration Studies; 110–129.
- Ravenstein E. G. (1876) The Birthplace of the People and the Laws of Migration. *The Geographical Magazine*. 3: 173–177
- Ravenstein E. G. 1885. The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*. 48 (2): 167–235.
- Ravenstein E. G. 1889. The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*. 52 (2): 241–305.
- Ricardo D. 1815. *An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock...* London: Albemarle Street.
- Skeldon R. 1990. *Population Mobility in Developing Countries: A Reinterpretation*. London: Belhaven.
- Spicker P. 2013. Liberal welfare states. *The Routledge Handbook of the Welfare State*. London: Routledge; 193–201.
- Stark O., Bloom D. 1985. The New Economics of Labor Migration. *The American Economic Review*. 75 (2): 173–178.
- Stark O., Taylor J. E. 1991. Migration Incentives, Migration Types: The Role of Relative Deprivation. *The Economic Journal*. 101 (408): 1163–1177.
- Steinmetz S. R. 1930. Der erbliche Rassen und Volkscharacter. *Gesammelte kleinere Schriften*. 2: 284–285.
- Stouffer S. A. 1940. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance. *American Sociological Review*. 5 (6): 845–867.
- Todaro M. P. 1976. *Internal Migration in Developing Countries*. Geneva: International Labor Office.
- Todaro M., Maruszko L. 1987. Illegal Migration and U.S. Immigration Reform: A Conceptual Frame-Work. *Population and Development Review*. 13 (1): 101–114.

- Wallerstein I. 2011. *The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914*. Los Angeles: University of California Press.
- Wimmer A., Glick Shiller N. 2002. Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and the Social Sciences. *Global Networks*. 2 (4): 301–334.
- Woods R. 1993. Commentary on Zelinsky's Model. *Progress in Human Geography*. 17 (2): 213–215.
- World Migration Report*. 2008. Geneva: International Organization for Migration.
- Yurchak A. 2006. *Everything Was Forever Until It Was No More. The Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press
- Zelinsky W. 1971. The Hypothesis of the Mobility Transition. *Geographical Review*. 61 (2): 219–249.
- Zipf G. K. 1949. *Human Behavior and the Principle of Last Effort. An Introduction to Human Ecology*. Boston: Addison-Wesley Press.

PROFESSIONAL REVIEWS

Pavel Lisitsyn, Andrey Rezaev, Alexander Stepanov

Balances in the Migration Theories

LISITSYN, Pavel —

Docent, Cand. Sci. (Soc.),
St. Petersburg University,
Associate Professor. Address:
1/3 Smolny str., St. Petersburg,
190000, Russian Federation.

Email: fox_sociology@mail.ru

REZAEV, Andrey — Prof.

Dr. habil., Director of
International Research
Laboratory TANDEM,
St. Petersburg University.
Address: 1/3 Smolny str.,
St. Petersburg, 190000,
Russian Federation.

Email: rezaev@hotmail.com

STEPANOV, Alexander —

Cand. Sci. (Soc.),
St. Petersburg University,
Associate Professor. Address:
1/3 Smolny str., St. Petersburg,
190000, Russian Federation.

Email: 9160001@inbox.ru

Abstract

The paper aims to explore how the principles of the neoclassical approach, transformed into meta-theoretical foundations, have changed migration studies. The authors aim to evaluate the extent to which these changes have influenced the theory and practice of migration studies. Focusing its analysis on the works of authors often characterized as representatives of the “economic”/ “neoclassical” approaches, the paper aims to test the thesis that migration theories are characterized by fragmentation and inconsistency. In particular, turning to the analysis of the neoclassical theory, the authors will consider whether the transition from the classical approach in migration studies really laid the foundation for insurmountable contradictions between migration studies and theories of the distant past (late XIX—early XX century), the recent past (mid—late XX century), and the present (XXI century).

The current analysis includes the works of A. Lewis, D. Harris and M. Todaro, V. Zelinsky, M. Piore, O. Stark and D. Bloom. The key questions of the analysis will be: Is there a connection between the works of these authors and their predecessors? What contribution have the analyzed studies made to the modern perception of migration? What was the engine of migration studies of this period, often hailed as a breakthrough by most critics (and is it truly a breakthrough)? The authors will be interested in whether something distinguishes the so-called “economic stage of migration research” (the works of representatives of which are presented in the analysis) from other historical stages of migration research? In addition, this analysis offers an assessment of the relevance of the results of migration studies at the end of the XX century for today’s research.

Key words: migration theory; migration studies; neoclassical economics; the new economics of migration; demographic studies; data; research methods; metatheory.

Acknowledgements

The article was prepared within research project № 24-28-00467 Russian Science Foundation (RSF) <https://rscf.ru/en/project/24-28-00467/>

References

Abylkalikov S. I., Vinnik M. V. (2012) Ekonomicheskie teorii migratsii: rabochaya sila i rynek truda [Economic Theories of Migration: Labor Force and Labor Market]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*, no 12, pp. 1–19 (in Russian).

- Adediran A. M. (2015) Klyuchevye vekhi stanovleniya sovremennoy teorii migratsii v rabotakh zapadnykh ucheny v XX v. [The Key Milestones of the Formation of the Modern Theory of Migration in the Works of Western Scientists XX Century]. *RUDN Journal of Sociology = Vestnik RUDN/ Seriya: Sociologiya*, no 1, pp. 30–41 (in Russian).
- Alexander J. C., Giesen B., Munch R., Smelser N. (1987) *The Micro-Macro Link*, Berkeley: University of California Press.
- Arango J. (2010) Explaining Migration: A Critical View. *International Social Science Journal*, no 52 (165), pp. 283–296.
- Avtonomov V. S. (1993) *Chelovek v zerkale ekonomicheskoy teorii* [The Man in the Mirror of Economic Theory], Moscow: Nauka (in Russian).
- Belskaya Yu. V. (2016) Migratsiya v istorii ekonomicheskoy nauki: gnoseologicheskie osnovaniya izucheniya [Migration in the History of Economics: Epistemological Grounds for Studying]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no 5 (33), pp. 144–155 (in Russian).
- Berger P. L., Luckmann T. (1966) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, New York: Anchor Books.
- Boyle P., Halfacree K., Robinson V. (1998) *Exploring Contemporary Migration*, London: Longman.
- Brettell C. B., Hollifield F. J. (eds) (2015) *Migration Theory: Talking across Disciplines* (Third edition), New York: Routledge.
- Brettell K., Hollifield D. (2007). Teoriya migratsiy [Migration Theory] *Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov* [Methodology and Methods of Studying Migration Processes] (ed. Zh. Zajonchkovskaya), Moscow: Migration Research Center, pp. 33–71 (in Russian).
- Castles S. (2009) Development and Migration-Migration and Development: What Comes First? Global Perspective and African Experiences. *Theoria*, no 56 (112), pp. 1–31.
- Castles S., Miller M. (1993) *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*, New York: Guilford Press.
- Connell R. W (1997) Why is Classical Theory Classical? *American Journal of Sociology*, vol. 102, no 6, pp. 1511–1557.
- Eggertsson T. (1990) *Economic Behavior and Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Galbraith J. K. (1958) *The Affluent Society*, London: Hamish Hamilton.
- Glick Shiller N (2023) Connecting Place and Placing Power: A Multiscalar Approach to Mobilities, Migrant Services and the Migration Industry. *Mobilities*, vol. 4, no 4, pp. 677–690.
- Gramsci A. 1971. *Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci* (compiled by Q. Hoare, G. Nowell-Smith), London: Lawrence & Wishart.

- Harris J. R., Todaro M. P. (1970) Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. *The American Economic Review*, vol. 60, no 1, pp. 126–142.
- Heath J. (2020 [2005]) Methodological Individualism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (ed. E. N. Zalta), Stanford, CA, Metaphysics Research Lab, Stanford University. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/methodological-individualism/> (accessed 5 January 2024).
- Hofstee E. W. (1952) *Some Remarks on Selective Migration*. Book Series: Publications of the Research Group for European Migration Problems. VII. Hague: Martinus Nijhoff.
- International Migration Report* (2017), New York: United Nations.
- International Migration Statistics: Organization and Operation Recommended Standards Sampling* (1953) Statistical papers. Series M, no 20, New York: Statistical office of the UN, Department of economic affairs.
- Ioncev V. A. (1999) *Mezhdunarodnaya migratsiya: naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya* [International Migration: Population: Theory and History of Study], Moscow: Dialog MSU (in Russian).
- Keynes J. M. (2007) *Obshhaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest and Money], Moscow: E`KSMO (in Russian).
- King R., Skeldon R. (2010) Mind the Gap! Integrating Approaches to Internal and International Migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 36, no 10, pp. 1619–1646.
- Konvenciya mezhdunarodnoj organizacii truda № 97 o trudyashchihsya-migrantah* [International Labour Organization Concept No. 97 on migrant workers]. (1949). Genève, 8 June. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1018307 (accessed 25 December 2023) (in Russian).
- Koncepciya OON o statuse bezhencev* [The UN Concept on the Status of Refugees]. (1951). Genève, 28 June. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1900366> (accessed 27 December 2023) (in Russian).
- Kurushina E. V., Druzhinina I. V. (2016) Ratsional`nost` povedeniya rossiyskikh migrantov po regionalnym klasteram [Rationality of the Behavior of Russian Migrants by Regional Clusters]. *Phundamental`ny`e issledovaniya*, no 3, pp. 584–588 (in Russian).
- Kwa C. (2011) *Styles of Knowing: A New History of Science from Ancient Times to the Present*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Lee E. A. (1966) Theory of Migration. *Demography*, vol. 3, no 1, pp. 47–57.
- Lewis A. (1954) Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *Manchester School*, vol. 22, no 2, p. 139–191.
- Lewis A. (1956) *The Theory of Economic Growth*, London: Unwin University Books.
- Lisitsyn P. P., Gibazov R. R. (2022) Nachalo izucheniya migratsii v Rossii: poiski russkogo Ravenshtayna [The Beginning of the Study of Migration in Russia: The Search for the Russian Ravenstein]. *Teleskop*, vol. 7, no 3, pp. 14–23 (in Russian).

- Lisitsyn P. P., Orlova N. A., Stepanov A. M. (2022) Migratsionnoe povedenie: printsip snizheniya trudozatrata J. Zipfa [Migration Behavior: The Principle of Reducing Labor Costs by J. Zipf]. *Sociological Journal = Sotsiologicheskii Zhurnal*, vol. 28, no 3, pp. 72–90 (in Russian).
- Lisitsyn P. P., Stepanov A. M. (2022) Novy'e zakony' migratsii E'. Ravenshtayna [E. Ravenstein's New Migration Laws], *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 8, pp. 16–26 (in Russian).
- Lisitsyn P. P., Stepanov A. M., Orlova N. A. (2023) Vypolnennye i nevypolnennye obeshchaniya E'. Li: k kritike migratsionnykh teoriy [Fulfilled and Unfulfilled Promises of Everett Lee: Toward a Critique of Migration Theories]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 10, pp. 41–51. doi: 10.31857/S013216250028303-6 (in Russian).
- Lively C. E. (1940) Research Memorandum on Migration Differentials: A Report of the Committee on Migration Differentials. *Journal of Political Economy*, vol. 48, no 2, pp. 300–301.
- Malthus T. R. (1798) *An Essay on the Principle of Population As It Affects the Future Improvement of Society*, with Remarks on the Speculations of Mr. Goodwin, M. Condorcet and Other Writers, 1 edn., London: J. Johnson in St Paul's Church-Yard.
- Marshall A. (1922) *Money, Credit and Commerce*, London: MacMillan.
- Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*, vol. 19, no 3, pp. 431–466.
- Overcoming Barriers: Human Mobility and Development*. (2009) Human Development Report, New York: United Nations Development Programme.
- Parsons T. (1979) On Theory and Metatheory. *Humboldt Journal of Social Relations*, vol. 7, no 1, pp. 5–16.
- Piore M. J. (1979) *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Portes A. (1973) Modernity and Development: A Critique. *Studies in Comparative International Development*, no 8, pp. 247–279.
- Portes A. (2010) Migration and Social Change: Some Conceptual Reflections. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 36, no 10, pp. 1537–1563.
- Prebisch R. (2016) *Theoretical and Practical Problems of Economic Growth*. ECLAC Thinking, Selected Texts (1948–1998) (compiler R. Bielschowsky), Santiago: ECLAC, pp. 109–128.
- Pryor R. J. (1981) Integrating International and Internal Migration Theories. *Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements* (eds. M. M. Kritz, C. B. Keely, S. M. Tomasi), New York: Center for Migration Studies, pp. 110–129.
- Ravenstein E. G. (1876) The Birthplace of the People and the Laws of Migration. *The Geographical Magazine*. 3: 173–177

- Ravenstein E. G. (1885) The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*, vol. 48, no 2, pp. 167–235.
- Ravenstein E. G. (1889) The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*, vol. 52, no 2, pp. 241–305.
- Ricardo D. (1815) *An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock...* London, Albemarle Street.
- Skeldon R. (1990) *Population Mobility in Developing Countries: A Reinterpretation*, London: Belhaven.
- Smith A. (2007) *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Study on the Nature and Causes of the Wealth of Nations], Moscow: E`KSMO (in Russian).
- Spicker P. (2013) Liberal welfare states. *The Routledge Handbook of the Welfare State*, London: Routledge, pp. 193–201.
- Stark O., Bloom D. (1985) The New Economics of Labor Migration. *The American Economic Review*, vol. 75, no 2, pp. 173–178.
- Stark O., Taylor J. E. (1991) Migration Incentives, Migration Types: The Role of Relative Deprivation. *The Economic Journal*, vol. 101, no 408, pp. 1163–1177.
- Steinmetz S. R. (1930) Der erbliche Rassen und Volkscharacter. *Gesammelte kleinere Schriften*, no 2, pp. 284–285 (in German).
- Stouffer S. A. (1940) Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance. *American Sociological Review*, vol. 5, no 6, pp. 845–867.
- Todaro M. P. (1976) *Internal Migration in Developing Countries*, Geneva: International Labor Office.
- Todaro M., Maruszko L. (1987) Illegal Migration and U.S. Immigration Reform: A Conceptual Frame-Work. *Population and Development Review*, vol. 13, no 1, pp. 101–114.
- Wallerstein I. (2011) *The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914*, Los Angeles: University of California Press.
- Wimmer A., Glick Shiller N. (2002) Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and the Social Sciences. *Global Networks*, vol. 4, no 2, pp. 301–334.
- Woods R. (1993) Commentary on Zelinsky's Model. *Progress in Human Geography*, vol. 17, no 2, pp. 213–215.
- World Migration Report*. (2008), Geneva: International Organization for Migration.
- Yurchak A. (2006) *Everything Was Forever Until It Was No More. The last Soviet Generation*, Princeton: Princeton University Press.

Zelinsky W. (1971) The Hypothesis of the Mobility Transition. *Geographical Review*, vol. 61, no 2, pp. 219–249.

Zipf G. K. (1949) *Human Behavior and the Principle of Last Effort. An Introduction to Human Ecology*, Boston: Addison-Wesley Press.

Received: August 13, 2023

Citation: Lisitsyn P., Rezaev A., Stepanov A. (2024) Poiski ravnovesnogo sostoyaniya v migrtcionnoy teorii [Balances in the Migration Theories]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 1, pp. 137–160. doi: [10.17323/1726-3247-2024-1-137-160](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-1-137-160) (in Russian).